

ЗЛАТА
ЗОРИЧ

РАЗЛУЧЕННЫЕ
БЫВШИЕ
Не проси прощения

Злата Зорич

**Разлученные бывшие.
Не проси простить**

«Литнет»

2025

Зорич З.

Разлученные бывшие. Не проси простить / З. Зорич — «Литнет», 2025

— Знаешь, мне нравится твой огонь. Но я сломаю тебя. Так или иначе. У меня на губах появилась холодная улыбка.— Ты уже однажды пробовал. Помнишь? Нет, он не помнит. Мужчина, который однажды сломал мою жизнь, даже не помнит меня. Еще бы — ведь со дня нашей разлуки прошли долгие десять лет. А теперь он вернулся, потому что ему кое-что нужно от меня — забрать то единственное, что у меня есть: землю, на которой стоит мой дом. Хорошо, что он не знает, что у меня есть кое-что еще — тайна, которую десять лет назад я унесла под сердцем. Потому что, если он узнает, боюсь, что и это он захочет у меня отнять... В этой истории вы встретите: властного героя и сильную героиню богатого мужчину и бедную девушку общего ребёнка от любви к ненависти и от ненависти снова к любви семейные тайны судьбоносную встречу спустя годы страсть, интриги завистников и борьбу за своё счастье

© Зорич З., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	14
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	25
Глава 12	27
Глава 13	30
Глава 14	32
Глава 15	34
Глава 16	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1

Мои пальцы стучали по клавиатуре ноутбука быстрее, чем мысли успевали складываться в слова. Ещё одна жалоба в администрацию, ещё десяток писем от имени жителей посёлка, ещё один протокол собрания жильцов, ещё одна попытка доказать, что мы — люди, а не пустое место на карте для жадных застройщиков.

Вся моя жизнь в последние несколько месяцев превратилась в сплошную борьбу.

Я щёлкнула «отправить» и откинулась на спинку стула. В этот момент из распахнутого настежь окна послышался шум моторов. Я нахмурилась и выглянула на улицу.

Из-за поворота на нашу узкую улицу медленно выехала колонна чёрных машин. Дорогие, блестящие, с одинаковыми тонированными стёклами, они надвигались на посёлок как захватчики.

— Ну я им сейчас такое устрою, — процедила я сквозь зубы и выскочила на крыльцо.

Пусть только попробуют сунуться — устрою скандал на всю округу. Пусть знают: здесь живут люди, которые свое не отдадут.

Я рванула на улицу, хлопнув дверью. Лёгкий ветер растрепал мои волосы, а солнце резануло по глазам, но я шла быстро, решительно. Мне нужно было показать этим «важным господам», что мы ничего не боимся и можем дать отпор. Мы не дадим им распоряжаться нашей землёй!

Несколько мужчин в дорогих костюмах вышли из машин и уже шли по нашей улице с видом хозяев.

— Вам сюда нельзя! — крикнула я из-за забора. — Территория частная, въезд запрещён!

Мужчины переглянулись с усмешкой. Один из них выступил чуть вперед и неспеша направился ко мне с видом человека, который привык брать, не спрашивая разрешения. Лёгкая улыбка скользила по его губам — самоуверенная, холодная, колкая. Он шёл первым, остальные мужчины сопровождали его, держась чуть позади, как охрана или свита. Он был таким уверенным, будто эта улица уже принадлежала ему. Будто весь мир принадлежал. И я тоже.

Я увидела его и на секунду перестала дышать.

Мир качнулся. Земля ушла из-под ног.

Как удар током, как ожог. Черты лица — резче, жёстче, взгляд — тяжёлый, безжалостный. Хищный, самоуверенный, холодный.

Он. Моя первая любовь...

Нет, даже не так — любовь всей моей жизни!

Десять лет прошло, а я узнала бы его из тысячи. Да, что там говорить — я узнала бы его и в темноте. Узнала бы аромат его кожи... Я зажмурилась. Десять лет, а я помню нашу ночь, как будто это было вчера. Ничто не забыто. За что мне эта проклятая любовь?

Я собралась с силами, открыла глаза и посмотрела на него в упор, за этим вызывающим, колючим взглядом скрывая свою боль и горечь. Он сильно изменился, стал взрослее, суровее, мужественнее, но что-то все же осталось в нем неизменным. Чёткая линия скул, глаза цвета стали. И это лёгкое движение губ, когда он улыбается.

Я вцепилась пальцами в забор, потому что голова закружилась от нахлынувших воспоминаний. Те летние вечера. Его руки, его голос, его обещания. И та ночь, когда я осталась одна — со своей болью и тайной, о котором он даже не успел узнать.

Его взгляд скользнул по мне холодно, оценивающе.

Не узнал. Он смотрел на меня со смесью насмешки и негодования, как смотрел бы на любого, кто встал у него на пути.

— Вы что здесь, охранником подрабатываете? — голос его звучал издевательски.

У меня внутри всё сжалось от ярости.

— Это моя земля, — ответила резко. — И вы на неё не пройдёте!

— *Моя земля...* — повторил он с лёгким смешком, словно пробуя слова на вкус. — Какая ревнивая хозяйка. Интересно, кто вы такая, что позволяете себе так разговаривать?

Он остановился напротив, глядя прямо в глаза.

Мир вокруг словно сжался в одну точку. Все звуки исчезли, даже ветер будто затих. Осталась только мы. Я — и он. Тот, кто однажды сломал мою жизнь.

Я вспомнила, как несколько недель назад соседки рассказали мне о смерти его отца. "Теперь сын вернётся, наследует всё", — говорили люди. Я тогда только отмахнулась, не желая ворошить прошлое. А вот он стоит передо мной. Вернулся. Не слухи, не догадки — правда.

Он приближался ко мне, уверенный, самодовольный, наглый. Властный. Таким я его и запомнила. Только тогда я смотрела на него с восхищением, а теперь — с тем самым затаенным страхом, который прячется глубоко под кожей.

Шрамы памяти рванулись наружу: то наше лето любви и горечь расставания. Тайна, которую я унесла с собой. Лестница. Боль. Кровь.

— Я приехал поговорить, — сказал он низким голосом. — С вашим... объединением.

— Со мной говорите, — отчеканила я. — Я — глава.

Его взгляд стал внимательнее, но в нем не мелькнуло узнавания. Я была уже не та, совсем не та. Десять тяжелых лет сделали из наивной девчонки женщину.

— Вы? — интонация была почти насмешливой. — Честно говоря, я ожидал кого-то... посolidнее.

— Ваши ожидания это ваши проблемы, — отрезала я.

— Что ж, так даже лучше. Приятно увидеть женщину. Думаю, нам с вами будет намного проще договориться.

— Вы даже не представляете себе, насколько сильно вы ошибаетесь! — язвительно процедила я.

Он нахмурился.

— Я хотел поговорить....

— Вы хотели не поговорить, а захватить нашу землю под строительство очередного «человеиника»! — перебила его я. — Но вы не получите этой земли! Вы пришли сюда зря. Люди не продадут вам землю. И я свою тоже не продам.

— Всё продаётся, — перебил он спокойно, без малейшей тени сомнения. — Вопрос только в цене.

— Ошибаетесь, — отрезала я. — Не всё.

Он сделал шаг ближе, навис надо мной, и теперь я ясно чувствовала запах его парфюма — резкий, дорогой, такой же вызывающий, как он сам. Я сжала зубы, чтобы не сорваться. Его голос был тем же — чуть насмешливым, бархатным, с этой ленивой интонацией, как будто он играет в игру, правила которой придумал сам же.

— Вы говорите так уверенно... как будто у вас есть что-то сильнее моих денег.

— Есть, — мой голос дрогнул, но я держалась. — Принципы.

— Принципы не спасут вас, когда вокруг начнётся стройка. Когда у вас под окнами пойдут бульдозеры. Тогда ваши соседи сами прибегут к нам и будут умолять купить их хибары. Надо только немного подождать. А я умею ждать.

Я подняла подбородок.

— А я умею бороться.

Несколько бесконечно долгих секунд мы сверлили друг друга глазами.

А потом он сказал тихо, почти интимно:

— Знаешь, мне нравится твой огонь. Но я сломаю тебя. Так или иначе.

У меня на губах появилась холодная улыбка.

— Ты уже однажды пробовал. Помнишь?

Глава 2

Он напрягся. Несколько секунд вглядывался в мое лицо, словно пытался вспомнить.

А я сама испугалась своих слов. В мои планы совершенно не входило напоминать ему о себе. Мне это совершенно ни к чему сейчас. Это только все осложнит.

Но эти слова сами вырвались прежде, чем я успела включить благоразумие.

— Что ты только что сказала? — спросил он, прищурившись.

— Ничего, — бросила я. — Я ничего тебе не сказала! Кроме того, что тебе пора домой. Здесь ты ничего не добьешься.

Мы сцепились взглядами, как в поединке. Он слегка склонил голову набок, будто что-то высчитывал. На мгновение в его лице мелькнуло сомнение.

— У тебя глаза такие... странно знакомые, — сказал он. — Такое ощущение, что мы уже где-то встречались.

Я похолодела. Хотелось отвернуться, убежать, спрятаться в доме, но ноги будто вросли в землю.

— Ошибаешься, — выдавила я. — Мы не знакомы.

— Неужели? — в голосе явно слышалось недоверие. Насмешка на его лице уступила место внимательному, цепкому интересу. — У тебя такое... знакомое лицо.

Я молчала. Рот будто пересох, язык прилип к нёбу.

"Не узнает, — мелькнуло в голове. — Десять лет прошло. Он не узнает... Не должен узнать."

— Нет... — он качнул головой, приближаясь. — Я совершенно точно тебя где-то видел. Так и есть, — его голос стал ниже, серьёзнее. — Мы встречались раньше. Не так ли?

Его взгляд цеплялся за каждую черточку моего лица. И я поняла: ещё немного — и он догадается.

Я сделала над собой усилие, чтобы улыбнуться, но улыбка вышла натянутой.

— Наверное, путаешь меня с кем-то. Запутался в своих многочисленных женщинах?

Он хмыкнул.

— Сомневаюсь. У меня память хорошая. На такие лица... — он задержался на последнем слове, и я почувствовала, как у меня дрогнули колени, — я никогда ничего не забываю.

Его голос бил по и без того натянутым нервам. Я едва удерживалась, чтобы не сорваться, не закричать. Мне хотелось убежать в дом и спрятаться, чтобы перестать чувствовать его испытывающий взгляд на моем лице.

— В дом ты не войдешь. На участок тоже, — я резко выдернула его из тумана воспоминаний, в котором он сейчас прибывал. — Возвращайся в машину и проваливай отсюда, хозяин жизни! Здесь тебе делать нечего.

Он подошел вплотную к забору. Теперь только он нас и разделял. Высокий, он навис надо мной, будто нарочно проверяя, отступлю ли я. Но я не отступила. Сердце билось где-то в горле, но я стояла, хоть внутренне вся тряслась.

— Смелая, — протянул он, прищурившись. — Таких, как ты, обычно быстро обламывают.

— Ну попробуй, — прошипела я. — Попробуй обломать меня...

В этот момент за моей спиной хлопнула дверь.

— Мам? — послышался встревоженный голос сына. — У тебя все нормально?

Я вздрогнула, обернулась. Мой мальчик стоял босиком на крыльце. Волосы растрепаны, глаза — похожие, слишком похожие на те, которые смотрят сейчас на меня по другую сторону забора. Я словно оказалась под перекрестным огнем этих одинаковых взглядов.

— Иди в дом! Быстро! — крикнула я сыну.

В ту же секунду я кожей почувствовала, как мужчина напротив меня сильно напрягся. Его взгляд метнулся от меня — к ребёнку. И снова на меня.

Напуганный моим резким окриком, сын все-таки сорвался с порожков и бросился к нам.

Я судорожно рванулась к нему, схватила за руку, прижала к себе, заслонила своим телом. Он не должен увидеть его. Не должен увидеть моего ребенка.

— В дом, — прошептала я почти умоляюще. — Иди в дом, мама сейчас вернется!

Но упрямец не отступал. Боже, какой же он упрямый! Сын высунулся из-за моей спины и смело бросил в лицо незнакомцу:

— Что вам здесь нужно? Убирайтесь из нашего поселка!

Я почувствовала, как он замер. Его глаза медленно скользнули к мальчику, потом — снова ко мне. Взгляд стал холоднее, сосредоточеннее.

Я чувствовала, как его глаза впиваются в нас обоих, прожигая, пронизывая насквозь.

Моё сердце затрепетало в панике. Я резко схватила сына за руку, прижала к себе, снова спрятала за спину. Мне казалось, что этот мужчина может одним взглядом отнять его у меня.

— Интересно, — сказал он, и в его голосе прозвучали тревожные нотки. — У тебя есть сын... Смелый мальчик.

Он медленно выдохнул, губы изогнулись в холодной усмешке.

— Мы должны поговорить.

— Я тебе ничего не должна, — отрезала я. — Убирайся!

Моя рука дрожала, но голос я удержала ровным. Я не позволю ему увидеть, насколько сильно меня трясёт.

Тут его взгляд скользнул по моему лицу, и я почувствовала, что сердце готово вырваться из груди от волнения. Потому что в этом взгляде было слишком многое... Узнавание. Удивление. Растерянность. И что-то ещё, от чего я всегда теряла почву под ногами.

Он молчал. Но его глаза метались по моему лицу, словно искали ответы.

— Значит, мы с тобой когда-то все-таки встречались... — произнес он холодно.

Я усмехнулась — коротко, горько.

— Когда-то. Но это было очень-очень давно.

Глава 3

Я сама удивилась, что осмелилась произнести это вслух. Но слишком велика оказалась моя обида за то, что он — тот, который сломал мою жизнь и растоптал мою юность, меня даже не запомнил.

Я смотрела на его лицо и едва узнавала. Чужое и знакомое одновременно. Взрослый, суровый, с резкими чертами, уверенный в себе до наглости. Только глаза — все те же. Хищные, внимательные. Как будто раздевают до костей, как будто ищут слабое место.

А я — вся одно сплошное слабое место. Всегда была.

Он чуть подался вперёд, нависая через забор, и его взгляд впился в меня.

— Значит, я всё-таки прав. Мы уже встречались, — в его голосе прозвучала уверенность, от которой у меня задрожали пальцы. — Когда? Где?

Я прикусила губу. Молчи. Не выдавай себя.

Я чувствовала, как сын ёрзает за моей спиной, недовольно дёргает меня за руку. Он ещё слишком мал, чтобы понять, что происходит. Но слишком умён, чтобы не заметить напряжение между нами. Он высунулся из-за моей спины, и взгляд моего бывшего возлюбленного снова метнулись к ребёнку.

— Сколько ему? — тихо спросил он.

Я похолодела.

— Не твоё дело.

— На вид... лет восемь? Девять?

— Ещё раз повторяю: убирайся, — прошипела я, крепче прижимая сына к себе. — Тебе нечего здесь делать.

Он откинул голову чуть назад и улыбнулся — медленно, опасно. Я знаю, что он привык получать все, что захочет, но и я больше не та глупая девчонка. Я не позволю ему снова разрушить мою жизнь.

— Убирайся, — повторила я уже громче. — Пошел отсюда вон!

— Мы ещё увидимся, — произнёс он тихо. — Жди...

Он резко развернулся и пошёл к своим машинам и оставшимся позади друзьям.

А я не могла двинуться с места, будто приросла к забору. Будто без этой опоры просто рухнула бы. Могла только прижать к себе сына так крепко, что он пискнул от боли.

Он вернулся. Чёрт возьми, он действительно вернулся.

Я думала, что оставила все в прошлом. Что пережила, похоронила. Что с годами, с новой жизнью — боль растворилась. Но нет.

Десять долгих лет прошло. Но стоило мне его увидеть — как меня снова затягивает туда, где мне было так невыносимо больно. В одно мгновение прошлое врезалось в мое настоящее с такой силой, что у меня подогнулись ноги.

Неужели я дрожу? Да. Руки подрагивают. Как будто я снова та наивная дурочка, которая влюбилась без памяти в наглого мажора. Но сейчас я ненавижу это чувство. Ненавижу, что оно все еще живо.

Я вспомнила ту ночь, нашу последнюю. Я тогда думала, что умру. Что всё кончено. Я слышала собственный крик, но никто — никто — не пришёл, чтобы меня спасти.

Слёзы тогда застыли где-то внутри, так и не пролившись. Сколько потом понадобилось мне времени, чтобы научиться не ждать его звонка, не ловить в толпе знакомый силуэт, не задыхаться по ночам от боли?

Я стиснула зубы.

Я больше не его игрушка. Я взрослая женщина, мать. У меня есть сын, мой смысл, моя крепость. У меня есть за что сражаться, кроме своей покалеченной души.

Мне нельзя позволить этой старой боли снова разорвать меня на куски.

Если он теперь будет рядом, в городе, в моей жизни, если судьба снова столкнула нас лоб в лоб, то мне придётся научиться дышать рядом с ним. Сохранять лицо. Сохранять силу. Ради себя. И ради нашего... Нет! Только моего сына!

А еще... Еще мне хотелось бы заставить его почувствовать хотя бы часть той боли, что он когда-то мне причинил.

Наконец я нашла в себе силы отлепиться от забора. Развернулась и пошла в дом, почти таща сына за собой. Обняла его, прижала к себе, мельком поцеловала в макушку.

Он посмотрел на меня снизу вверх так, как будто почувствовал, что сейчас со мной происходит что-то страшное.

— Мам, а кто это был? Почему он так на тебя смотрел? Ты его знаешь?

Я стиснула его плечо. Не смогла ответить сразу. Боже, как же дрожат руки... Как же быстро бьётся сердце. Я не могу позволить ему заметить мой страх.

— Просто... знакомый, — выдыхаю наконец. Голос чужой, хриловатый, как будто не мой. — Приходил по делу.

— А почему он такой злой? — сын нахмурился не по-детски сурово. — Я не хочу, чтобы он на тебя так смотрел!

Я погладила его по волосам, утешая, но он не унимается.

— Мам... — снова спрашивает. — А когда он вернётся?

Вот уж чего я не могу знать. Вернётся он завтра, через неделю, или уже сегодня ночью будет стоять под нашими окнами?

— Не думай об этом, — я снова поцеловала сына в макушку: — Всё хорошо. У нас с тобой всё будет хорошо, солнышко.

Хотя сама знаю — это враньё. Впереди нас ждет еще не один шторм.

Зайдя в дом, я сразу же села за ноутбук, попыталась сосредоточиться на работе. Пальцы зависли над клавиатурой — и я поняла: сегодня никакой работы не будет.

Глаза предательски защипало. Я встала, прошлась по комнате. Сын играл в соседней, и я молилась, чтобы он не заметил моего состояния. Я не имела права ломаться при нём. Для него я должна оставаться сильной.

Я остановилась у окна, прижала ладони к холодному стеклу. Там, снаружи, всё выглядело спокойно: улица, деревья, редкие машины. Но внутри меня была буря.

Прошное навалилось тяжёлой, удушающей волной, словно время решило стереть десятилетний промежуток и вернуть меня туда, в самый первый день.

Я ясно видела себя — тогдашнюю.

Скромная, в простенькое платье, с потёртой сумкой в руках, со взглядом, который боялся подняться выше пола. Девочка-сиротка, чужая в чужом богатом доме.

Я вошла в комнату, он поднял на меня глаза — и его взгляд остановился на мне. Всего лишь на миг. Но мне показалось, что мир вокруг исчез.

С того самого мгновения я больше не принадлежала себе.

Я влюбилась мгновенно, глупо, до боли в груди. Влюбилась, даже не зная, что это чувство может быть таким сильным и разрушительным. Ловила каждое его слово, каждое движение. Жила ожиданием его взгляда, случайного прикосновения, тени улыбки.

Я любила так, как любят только один раз в жизни — без оглядки, без расчёта, без права на отступление.

А потом случилось то, что я никогда не забуду. И никогда и ни за что его за это не прошу!

Глава 4

Я сидела на веранде, устроившись в своём любимом плетёном кресле, которое уже слегка протёрлось по краям. Передо мной стояла чашка мятного чая — моя попытка успокоить нервы. Хотя сейчас мне не помог бы и литр успокоительного.

День выдался тяжелым. Несмотря на утренний раздрай, мне нужно было включаться в работу. Да, удаленка давала определенную свободу — я могла сама выбирать ритм, вставать позже или, наоборот, работать до ночи, могла совмещать это с воспитанием ребенка. Но очень часто граница между «работой» и «домом» просто стиралась.

Я сделала глубокий вдох и прикрыла глаза. Воздух здесь особенный. Чистый, густой, пахнущий травами и сырой землёй. Это место — настоящее чудо. Близко к Москве, но при этом здесь нет ни вечного шума, ни грязного воздуха, ни безумных толп.

Таким прекрасным местом не могли не заинтересоваться застройщики. Они хотят расширить дорогу, построить эти бездушные многоэтажки, где окна смотрят друг в друга, а люди не знают имён своих соседей. «Человейники» — лучше слова и не придумать. Они хотят отнять у нас самое главное — тишину, свежий воздух, возможность жить и растить своих детей без суеты.

В этот момент яркий свет фар ударил по закрытым векам. Я открыла глаза.

Машина вынырнула из-за поворота, прорезав сумерки. Я напряглась, и, как оказалось, не безосновательно. Машина подъехала ближе и медленно остановилась прямо у моих ворот.

Я сжала чашку в руках так крепко, что пальцы побелели. Горло пересохло.

Он вышел из машины. Закрыл дверь — спокойно, неторопливо. Огляделся.

В несколько шагов я преодолела то расстояние, что нас разъединяло.

— Какого черта, — прошипела я, оглядывая улицу за его спиной — где-то там, у соседей, сейчас бегал и играл с друзьями мой сын. — Какого черта ты снова заявился сюда, Марк?

Впервые за столько лет я произнесла вслух его имя, хотя в мыслях звала его сотни раз.

— Ты изменилась, — сказал он тихо. — Алина...

— А вот ты — нет, — я резко вскинула подбородок. — Ты всё тот же. Приехал забирать силой то, что тебе не принадлежит. Только вот тут — не получится! Я сказала тебе всё еще утром! Нечего сюда ездить. Мне не о чем с тобой говорить!

— Я тебя вспомнил, — перебил он.

Я замолчала, шокированная той смесью ненависти и злости, которая отразилась на его лице на этих словах.

— И что? — потом рассмеялась нервно. — Ты сначала меня забыл! Ты забыл меня, а теперь вдруг вспомнил? Я что, по-твоему, должна этому обрадоваться?

— Нет, — процедил он сквозь зубы. — На твоём месте я бы этому точно не обрадовался...

Он усмехнулся, и это была страшная, холодная усмешка, от которой у меня побежали мурашки по коже. Я вцепилась руками в прутья забора, будто он мог защитить меня от его слов. Или защитить от него самого... Я не понимала, что происходит, откуда в нем эта жгучая ненависть?

— Я вспомнил тебя, — повторил он. — Но лучше было бы мне не вспоминать о том, что ты тогда сделала...

— Что...? Что я такого сделала такого?

Он резко шагнул ближе, почти вплотную к забору, и его глаза сверкнули — в них отражалась чёрная бездна.

— Ты прекрасно знаешь что, — процедил он. — Или притворяешься?

Я покачала головой.

— Ты пыталась меня обмануть! — в его голосе звенела угроза. — Сказала, что беременна от меня, хотя все вокруг знали, что это от твоего дружка. От этого... как его там... твоего «друга детства».

— Что?.. — прошептала я. — Ты в своём уме?

Он посмотрел на меня с такой злобой, что мне стало по-настоящему не по себе.

— Ты хотела сделать из меня идиота, — продолжил он, — нагуляла ребеночка, и думала, что я женюсь на тебе и решу все твои проблемы. Хотела привязать меня, да вот только не вышло... Мне, к счастью, раскрыли на тебя глаза...

— Как ты смеешь...

— Замолчи, — оборвал меня Марк. — Я не хочу ничего слушать. Каждое твое слово — ложь. Ты — лживая дворняжка.

Я покачала головой. Внутри всё кипело. Мне хотелось ударить его за отвратительные слова в мой адрес, но я была так шокирована услышанным, что просто не могла пошевелиться. Я никогда не пыталась его обмануть! Но он действительно верит в это. Его ненависть ко мне была настоящей.

Передо мной сейчас стоял не просто мужчина, которого я когда-то любила. Не просто бывший, который когда-то отвернулся от меня и ушёл, оставив одну среди осколков жизни. Нет. Передо мной стоял враг. Опасный. Непредсказуемый. У него есть своя правда — страшная, уродливая, но единственно возможная для него. И в ней предатель — это я.

— Ты даже не понимаешь, — прошептала я. — Всё, во что ты веришь... это ложь.

— Ложь? — он криво усмехнулся. — Ты всё ещё не умеешь врать, Алина. Пытаешься строить из себя невинную овечку, но тебе так не идет...

В его глазах плескалась ненависть. Он носил её в себе все эти годы, взращивал, лелеял, превращая былую любовь в оружие. Теперь это оружие было направлено на меня.

Ведь только те, кто когда-то любил, знает, куда бить больнее всего.

— Пошел вон, — я плеснула ему в лицо содержимое кружки — свой успокаивающий мятный чай. — Подонок!

Марк усмехнулся, вытер ладонью лицо и пошел к машине.

Глава 5

Я смотрела ему вслед — не могла отвести взгляд. Дождалась, когда он уедет, когда его машина скроется за поворотом, и пошла обратно в дом. Перед глазами все плыло и кружилось. Мне казалось еще чуть-чуть — и я могу свалиться в обморок.

С каждым шагом в моей голове распахивались старые, давно запертые двери памяти. Десять лет... десять долгих лет я не позволяла себе всматриваться в прошлое слишком пристально, потому что это было слишком больно. Но сегодня оно, не спрашивая, навалилось на меня всем весом.

Но сейчас, когда первая волна шока наконец схлынула, внутри мне вдруг стало... странно легко.

Это даже лучше для меня. Этого-то я и хотела! Он ненавидит меня. Уверен, что ребёнок — не его. И в этой жестокой уверенности была моя защита. Пусть презирает, пусть злится, пусть бросает обвинения. Он не заслуживает нашего ребенка! Не заслуживает даже знать о нем!

Странное, горькое, но освобождающее чувство. Он сам закрыл для себя эту дверь. Сам поставил точку там, где я, возможно, не решилась бы её поставить.

Он видит во мне обманщицу, лживую женщину, которую можно ненавидеть и презирать. Он верит, что я играла с ним, обманывала, что я способна на низость. Он действительно считает меня врагом. А мой сын — моё дитя, чистое и невинное — в его глазах символ моего обмана.

Я чувствовала, как внутри меня поднимается тошнотворная горечь. Мне обидно даже не за себя, а за сына — потому что он рос без отца, не зная его ни голоса, ни рук, ни защиты. За то, что он задавал вопросы, а я уходила от ответов. За то, что теперь, когда правда стоит так близко, я вынуждена радоваться лжи..

Я должна радоваться, что всё обернулось именно так.

Но отчего же тогда так больно?

Слёзы жгли глаза, но я не позволила им пролиться. Потому что вместе с болью во мне загоралась злость. Злость на него — за то, что он поверил клевете, ни на минуту не усомнившись. И злость на того, кто стоял за всем этим. Кто его убедил.

Я вошла в дом, захлопнула за собой тяжелую дверь, и этот звук разнесся по пустым комнатам, будто поставил точку в нашей разговоре. Я прижалась спиной к стене, скользнула вниз и на мгновение закрыла глаза. Мне казалось, что я больше не чувствую пола под ногами. Внутри бушевал хаос: гнев на него, обида, жалость к себе и такая острая боль за сына, что я не могла дышать.

Перед глазами кружились картинки из прошлого. Мы были так молоды, наивны и глупы, так погружены в наше чувство, что не замечали ничего вокруг. Мне казалось, что мы сможем выстоять и против целого мира.

Слишком поздно я поняла — против нас тогда действительно были все. Я чувствовала на себе взгляды, слышала шёпот за спиной.

Воспоминания хлынули на меня с новой силой — такие яркие, будто всё это случилось вчера. Десять лет назад. Десять проклятых лет. Он не просто бросил меня. Нет. Ему... открыли глаза. Так он это назвал? Но открыли ли? Или ослепили?

Кто убедил его в том, что ребёнок не его? Кто мог так поступить? Кто осмелился выплеснуть этот яд между нами? Кто мог так убедительно вбить в его сердце сомнение, кто мог позволить себе разрушить нас?

Ответ простой. До боли простой. Я знала правду. Знала, кто отнял его у меня и заставил поверить в откровенную ложь.

Глава 6

Десять лет назад. Мы сидела в аудитории колледжа, склонившись над тетрадками. На улице было начало весны, окна распахнуты настежь, и в проёме шумел ветер, гоняя запахи мокрого асфальта и свежей листвы. Я делала вид, что погружена в задачу по программированию, хотя уже давно справилась и теперь просто переписывала на чистовик.

Вдруг совсем рядом раздался тревожный шепот:

— Эй, как там тебя... Алина!... Дашь списать?

Я обернулась и встретилась с ней взглядом. Марго. Красивая, яркая, всегда в центре внимания, с волосами, уложенными в салонные локоны даже к девяти утра, и с последней моделью телефона. Я отметила ее длинные нарощенные ресницы, слишком яркий блеск на губах и то самое вызывающее равнодушие в голосе, какое обычно бывает у тех, кто уверен — мир крутится вокруг них. В её голосе не было просьбы — скорее приказ, но поданный так мягко, что отказать казалось почти невозможным.

— Что именно? — спросила я осторожно.

Она фыркнула и закатила глаза:

— Да всё! Я вообще не понимаю, что здесь происходит. Эти ваши коды, программы...

Я усмехнулась про себя. Для меня это было не «ваше», а моё. Все это вызывало во мне искренний и живой интерес. Я гордилась тем, что поступила сюда сама, без денег и связей.

Но я только кивнула и чуть пододвинула тетрадь так, чтобы ей удобнее было списывать.

Она сразу оживилась, заулыбалась шире и начала строчить.

После пары Марго снова подошла ко мне, хотя могла просто уйти со своими подругами — такими же модными и уверенными, громкими девочками, которые всегда окружали её.

— Слушай, ты же вроде у нас в группе самая умная, — сказала она, и в её голосе снова звучала эта особая интонация: вроде бы комплимент, но с лёгкой снисходительностью. — Ты реально сама всё понимаешь?

— Ну да, — ответила я, пожав плечами. — Мне нравится...

— Везёт, — протянула она. — Значит ты-то мне и нужна. Я ненавижу просить, и мне проще дружить с тобой, чем искать кого-то каждый раз перед экзаменами.

Я опешила. Прямолинейность её слов сбила меня с толку, но вместе с тем во мне что-то дрогнуло. Это был мой шанс. Ведь у меня не было никого по-настоящему близкого в колледже. С Марго я перестану быть такой одинокой. Тем более, что она уже решила, что мы подруги. Вернее, что я — её новая находка, полезная и своевременная.

— Ладно, — ответила я, стараясь скрыть улыбку. — Дружить так дружить.

Она легко приобняла меня за плечи, будто мы были знакомы годами. Её духи ударили в нос — сладкие, дорогие, не детские. Она говорила громко, уверенно, смеялась так, что все оборачивались в след. И я шла рядом, чувствуя себя ее маленькой тенью.

Она потащила меня за угол колледжа, туда, куда все ходили курить. Я растерялась — я никогда в жизни даже не прикасалась к сигаретам. Марго достала пачку, ловко щёлкнула зажигалкой, выпустила первую струю дыма и только тогда соизволила обратить на меня внимание.

— Ты не против? — спросила она лениво, хотя ответ её, кажется, мало волновал. — Главное, чтоб мама не увидела. Ну да, моя мама — директор этого цирка. Представляешь? Вот повезло, а? — она ухмыльнулась, но в её глазах мелькнул страх. — Если она узнает... всё, крышка.

Я сразу поняла, о чем речь. Все в колледже знали: её мать — директор колледжа. И хотя Марго пыталась строить из себя бунтарку, в каждом её движении сквозила настороженность, будто тень матери всегда следила за ней даже здесь, за углом. Она закуривала с видом взрослой, но глаза её бегали — она жутко боялась быть пойманной с поличным.

Мне стало почти смешно: такая смелая, громкая и дерзкая в классе, но стоит вспомнить про мать — и всё, детская испуганность в каждом жесте.

— Ладно, хватит обо мне, — сказала она, глядя на меня прищуренными глазами. — А ты чего всегда одна сидишь? — она жадно затянулась дымом и словно нарочно выпустила его в мою сторону.

Я пожала плечами.

— Как-то не удалось друзьями обзавестись...

— А где ты живешь? У тебя есть кто-нибудь в городе? Родители, родственники? Друзья?

Её вопросы прозвучали слишком прямо, даже грубо. Но я понимала: ей просто любопытно. Я для нее чужая, непривычная.

— Живу в общежитии... — ответила я.

— В общежитии? Серьёзно? Класс! Я всегда хотела побывать в общежитии...

— Родственников нет, — продолжила рассказывать я. — Только приемная мама.

— Приёмная? Серьёзно? — переспросила она с неподдельным интересом. — Прикольно... Надо же. Я так и знала, что у тебя есть что-то странное! — воскликнула она почти радостно. — Я сразу поняла, что ты не такая, как все.

Марго медленно выдохнула дым, и её лицо изменилось — как будто она вдруг поняла, что в ответ на такую фразу надо проявить какое-то сочувствие.

— Вот оно как... — протянула она, уже не смеясь. — Значит, ты одна. Совсем.

Я кивнула.

— Слушай, Алин, приезжай в субботу ко мне, а? У нас будет вечеринка небольшая, человек на двадцать, все свои. Тебе понравится.

Я улыбнулась, но в ответ отрицательно покачала головой. Я не могла представить себя среди её шумных друзей в её шикарном доме. У меня была совсем другая жизнь, и я не готова была так просто входить в чужую.

— Спасибо, Марго, но я не смогу, — тихо ответила я.

Она округлила глаза, будто отказы ей в принципе были незнакомы.

— Почему?

— Я поеду домой. К маме. В область.

Марго замолчала, как будто пыталась переварить то, что услышала. Для неё было удивительным, что кто-то мог отказаться от её компании ради чего-то настолько, как ей, наверное, казалось, скучного.

— В область? — переспросила она, и в её голосе прозвучала смесь недоумения и лёгкой насмешки. — А зачем? Там же, наверное, ничего нет?

Я спокойно ответила:

— Там есть мама.

Это было всё, что имело для меня значение. Моя приёмная мама, единственный человек, который ждал меня и всегда радовался мне. Ради неё я и ехала — рядом с ней я чувствовала, что у меня всё же есть дом.

Я только улыбнулась в ответ и повторила:

— Может, в другой раз.

Хотя в глубине души знала — никакого «другого раза» быть не должно.

— Слушай, ну тогда пойдем прямо сейчас ко мне в гости, — неожиданно предложила Марго. До нас долетел переливчатая трель звонка, извещающая о том, что следующий урок начался, но моя новообетенная подруга, кажется, не собиралась туда возвращаться.

— Давай свалим из колледжа, а? Ну, давай! Пожалуйста! Я тебя приглашаю! Ты не можешь мне отказать!

Я замялась, но отказывать второй раз казалось мне неприличным. А вдруг после этого она решит, что больше не хочет со мной общаться и я снова останусь совершенно одна?

— Ладно, — согласилась я. — Давай...

В тот момент я, конечно, не понимала, что это решение станет отправной точкой. Что её "дружба" станет не только спасением от одиночества, но и началом страшной катастрофы.

Если бы я заранее знала, чем все обернется, я бы развернулась и начала бежать. Так быстро, чтобы оказаться как можно дальше от нее и от всей этой семейки.

Глава 7

Марго потянула меня к парковке. Там, среди стареньких иномарок преподавателей и пары ржавых корыт студентов, её машина сильно выделялась своим ярко-красным, отполированный до блеска кузовом.

— Ну чего застыла? — Марго достала из маленькой блестящей сумочки ключи с брелоком, щёлкнула кнопкой, и машина ожила.

Я неловко провела пальцами по дверце, словно боясь оставить отпечатки, осторожно открыла и села. Когда мы тронулись, заиграла музыка — мелодия заполняла пространство, унося меня всё дальше от привычного. Я поймала себя на том, что не могу оторвать взгляд от отражения в тёмном стекле: я, в этой машине, рядом с Марго... Это выглядело так, словно мне удалось примерить на себя чужую жизнь.

Я не знала, как себя вести. В этой роскошной машине я чувствовала себя очень неудобно.

Когда город кончился, а мы все еще продолжили ехать, я почувствовала, как внутри поднимается тревога. Я никогда не бывала здесь. Как мне добираться обратно?

Я отчетливо помню тот момент, когда мы подъехали к дому Марго, и я впервые увидела его. До сих пор перед глазами стоит эта картина — словно я попала в кино. Ее машина мягко свернула с трассы и медленно покатила по широкой вымощенной плиткой дорожке.

Когда мы остановились, я вышла из машины и на мгновение замерла. Передо мной возвышался огромный дом — три этажа, светлые стены, широкие панорамные окна. Он не давил своим масштабом, но поражал. Казалось, что в нем найдется место для целой армии людей.

Я шагнула вперед и услышала тихий шелест воды — перед домом раскинулся бассейн. Вода казалась нереально голубой, почти светящейся. Рядом стояли шезлонги. В воздухе витал запах свежескошенной травы и чего-то сладкого, может, жасмина или сирени.

Слева я заметила огромный гараж с массивными воротами, и оттуда выглядывали сверкающие стёкла ещё каких-то машин. Всё это настолько давило своим величием, что я почувствовала себя маленькой и случайной гостьей в этом чужом мире.

Марго шла уверенно, вальяжно. Она даже не оборачивалась, а я, идя за ней, чувствовала себя всё более скованной. Я боялась дотронуться до чего-то лишнего, наступить не туда. Сердце колотилось, и я в который раз спросила себя — что я вообще здесь делаю?

Когда мы вошли в дом, я почти потерялась в этом просторе и сиянии — полированная мраморная лестница уходила вверх, окна до пола пропускали свет. Но у входа в гостиную Марго резко остановилась, и я невольно столкнулась с ней плечом.

Я подняла взгляд и увидела его.

На широком диване сидел парень. Внимательные, цепкие, прожигающие насквозь глаза на какую-то долю секунды остановились на мне. Он сидел в расслабленной позе, нога закинута на ногу, а рядом, под его рукой, уютно устроилась девушка.

— Марго? — его голос был низким, чуть хриловатым, и в нём явно прозвучало недовольство, словно мы им сильно помешали своим появлением. — Какого черта ты здесь? Ты же должна быть в колледже!

Марго фыркнула.

— А тебе самому не нужно быть в универе?

Он ухмыльнулся.

— Уже нет. Меня выгнали.

Я посмотрела внимательно — меня привлекла эта его холодная, насмешливая улыбка. В нём было что-то необъяснимо притягательное: острые скулы, выразительные глаза и какая-то внутренняя сила, от которой по спине пробежал ток. Даже сидя в расслабленной позе, он производил впечатление человека, которому тесно в любых рамках.

— Тебя выгнали, потому что ты вечно нарываешься! — резко бросила Марго. — Ты сам рушишь всё, что тебе дают.

Он медленно поднял глаза, и я ощутила, будто этот взгляд прожёт воздух между нами.

— Познакомишь? — бросил он Марго, не отрываясь от меня. — Что за очаровательная спутница рядом с тобой? Я ее раньше не видел.

Марго нехотя пробормотала:

— Это Алина. Моя новая подруга.

— Привет, Алина, — он улыбнулся. — А я — Марк!

Я пробормотала какое-то неловкое «здравствуйте», а девушка, сидевшая рядом с ним, заметно напряглась. Она прижалась к нему ближе, сжала его руку, как будто хотела продемонстрировать, что он уже занят. Её губы скривились в недовольной ухмылке, взгляд стал колким, враждебным.

Марк, казалось, не замечал ни её жеста, ни её обиды. Его глаза оставались на мне, слишком внимательные, слишком оценивающие. Я чувствовала, как этот взгляд пронзает меня насквозь, и от этого становилось ещё более неловко. Он будто не хотел меня отпускать.

— Ну вот и познакомились, — Марго взяла меня за руку, собираясь увести. — Всё, мы пошли...

— погоди. Я сегодня устраиваю вечеринку. По случаю...

— По случаю того, что тебя выперли из универа? — Марго закатила глаза. — Отличный повод нажраться в хлам, Марк.

Он усмехнулся, как будто её язвительность его только забавляла.

— А что? Надо уметь праздновать даже провалы. Так что, — продолжил он, обращаясь теперь явно не к сестре, а ко мне, — вы присоединитесь.

— Нет, мы не присоединимся, — отрезала Марго. — Алина уедет.

— С чего бы ей уезжать?

— С того, что у неё учёба есть, в отличие от тебя и меня.

— Ничего с ее учебой не случится, если она проведёт один вечер в нормальной компании...

— Алина не тусовщица, — буркнула Марго. — Ей это не нужно.

— Ты-то откуда знаешь, что ей нужно? — Марк прищурился. — Может, как раз это ей и нужно — немного расслабиться.

Я почувствовала, что на меня смотрят оба: и он, и незнакомая мне девушка. Только в её взгляде была колкая ревность, а в его — что-то ещё. Что-то такое, от чего хотелось спрятаться и поскорее отвести глаза.

— Пошли, — Марго резко дёрнула меня к лестнице, уводя от действия его гипноза.

Глава 8

Мы быстро поднялись на второй этаж — Марго шла впереди, а я спешила за ней, спиной чувствуя тяжелый взгляд Марка. Я не могла выбросить из головы его дерзкий прищур, с которым он смотрел на меня, будто изучая.

Только когда дверь за нами захлопнулась, я смогла выдохнуть с облегчением. Попыталась отвлечься, разглядывая обстановку в комнате — она вся была розовая, полная мягких игрушек и фотографий в рамках, но Марго не дала мне ни секунды тишины.

— Это мой старший братец, — она посмотрела на меня испытующе. — Что он тебе, понравился?

— Нет, конечно, ты что... — ответила я слишком поспешно.

Марго усмехнулась, прошла к кровати и села на нее, закинув ногу на ногу.

— Да ладно тебе. Я же видела, как ты на него смотрела. Глазки бегают, щёчки горят...

— Неправда!

— Ох, подруга, — Марго покачала головой, — я все видела. Я такие вещи не пропускаю. К тому же, он всем нравится. Марк умеет произвести впечатление, но знай: он бабник. Вечно меняет девушек, ни к одной не относится серьёзно. Играется с ними, и всё ему сходит с рук.

— Я даже и не думала... — я попыталась вставить хоть слова, но Марго перебила меня:

— А у тебя как вообще, парень есть?

— Нет... — пришлось признаться.

Марго сразу же оживилась.

— А кто-нибудь тебе нравится? Из колледжа? Или из этой твоей... Общаги?

Я смущённо мотнула головой.

— А встречалась хоть с кем-нибудь?

— Нет.

— Хотя бы целовалась?

— Ну...

— И... То, что бывает после поцелуев тоже никогда не было? — она произнесла это нарочито осторожно, но в голосе слышалось любопытство, почти азарт.

Я слотнула, язык прилип к нёбу.

— Нет.

Марго распахнула глаза.

— Да ладно! Серьёзно ничего не было? Совсем-совсем? Подожди, только не говори, что ты...

Я почувствовала себя до крайности неловко, будто меня уличили в чем-то запретном. Но не иметь отношений вроде как пока не запрещено. Почему же меня это смутило? Может из-за реакции Марго — она смотрела на меня так, будто я была последней девственницей на планете.

Марго зависла на секунду, потом все-таки справилась с первым удивлением и широко улыбнулась.

— Так ты у нас значит еще девственница... Ну ничего себе. Я думала, такие уже не встречаются.

Мне хотелось провалиться сквозь землю, но она не унималась.

— О, теперь понятно почему Марк на тебя так уставился, — она прыснула со смеху. — Ну по тебе это сразу видно.

Я покраснела до ушей. Марго, довольная тем, что выудила из меня эту тайну, уже шептала с заговорщицкой интонацией:

— Нужно срочно найти тебя парня. Кто тебе вообще нравится? Просто по внешности, — спросила она и потянула за телефоном. — Какой у тебя типаж?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Я никогда даже не задумывалась...

Она начала показывать мне профили в соцсетях ее знакомых парней, при этом комментируя каждого, рассказывая все, что знала о нем. Заметив отсутствие интереса с моей стороны, она вдруг решила, что прежде, чем приступить к поискам парня, мне стоит измениться самой. Я едва успела открыть рот, чтобы ей возразить, а она уже вскочила с кровати и распахнула дверцу шкафа. Платья полились наружу — яркие, короткие, совсем не такие, какие обычно носила я. Она с азартом вытаскивала одно за другим, прикладывала к своим, потом к моим плечам.

— Вот это! И это! — она бросала их на кровать, заваливая меня этой бесконечной горой.
— Давай, примеряй!

Под её напором я уступила и натянула одно из платьев — слишком короткое, слишком открытое. Мои щеки горели, пока она крутила меня перед зеркалом.

— Смотри на себя! Ты совсем другая. Так, а теперь губы...

Она достала помаду — ярко-алую, броскую. Я никогда такой прежде не пользовалась. Марго нанесла её мне сама.

— Ну вот. А теперь пройдишь, — она ткнула пальцем в середину комнаты. — Покажи, как ты умеешь.

Я сделала несколько шагов и растерянно посмотрела на неё.

— Не так, — засмеялась она. — Спина ровнее. Бёдрами, Алина, бёдрами!

Я попробовала снова, хотя от смущения хотелось провалиться сквозь землю.

Для Марго это была забава, игра. Она смеялась, хлопала в ладоши, подсказывала. А для меня это было почти пыткой. Но где-то глубоко, под слоем смущения, стыда и страха, во мне просыпалось любопытство. Мне хотелось узнать, что будет дальше, как далеко я могу зайти в этой странной игре. Я будто примеряла не платье, а какую-то неизведанную доселе сторону самой себя.

— Я не умею, — наконец я окончательно сдалась и рухнула в груды платьев, лежащую на кровати.

— Ну тогда учись.

Марго включила музыку громче, небрежно откинула волосы назад и сказала:

— Смотри, вот так надо.

И, гордо подняв голову, продефилировала по комнате.

— Видишь? Ты должна не просто идти, а нести себя так, чтобы на тебя все смотрели!
— Марго повернулась ко мне, и её глаза блестели озорством. — Медленнее. Не торопись. Представь, что ты идёшь на вечеринку, и все парни только тебя и ждут.

— Я так не смогу...

— Сможешь, — отрезала она. — Давай, вставай.

Мне казалось, что я выгляжу глупо, но я всё равно попробовала ещё раз. Я шагала, стараясь точно повторять все её движения.

— Вот, уже лучше, — сказала Марго и хлопнула в ладоши. — Видишь? У тебя получается.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату ввалился Марк.

Глава 9

— Что вы тут делаете?

Я едва не подпрыгнула на месте. Он зашёл так неожиданно, буквально застал нас врасплох. Увидел меня в этом дурацком коротком платье, с этой помадой на губах...

Марго, не замечая моей паники, с готовностью поделилась с ним:

— Мы тут обсуждаем, что Алине давно пора найти себе парня. Поэтому мы тренируемся в искусстве соблазнения, так сказать.

Я оцепенела.

— Парня найти, говоришь? — Марк прищурился, опёрся о дверной косяк. В его голосе было что-то лениво-ироничное, но взгляд — цепкий, пристальный. — Отлично совпало. Я как раз сегодня позвал в гости друзей. Так что у тебя будет широкий выбор.

От этих слов мне стало совсем дурно. Жар бросился в лицо, а внутри всё сжалось ледяным кольцом. Познакомиться? С кем? В таком виде?

— Ой, перестань, — рассмеялась Марго, обнимая меня за плечи. — Не смущайся так. Мы же просто болтаем.

Но смущение уже горело во мне костром.

Марк шагнул внутрь, и от этого движения комната словно сузилась. В его взгляде было что-то такое, что я не могла объяснить. Не просто насмешка, не просто лёгкий интерес — в нём тлела искра.

Он явно заметил моё смущение, мою неуверенность, мой румянец. Ему это нравилось.

— Пошли вниз, к ребятам. Познакомлю.

Он сказал это как-то слишком уверенно, будто все уже решил за меня. Будто у меня даже нет права выбора.

Я заметила, как Марго оживилась, подхватила его идею на лету:

— Там весело будет, пойдём!

Я машинально провела пальцами по губам, размазывая помаду, будто отказываясь от той роли, которую мне пытались навязать. И вдруг услышала свой собственный голос — уже не тихий, не мягкий, а какой-то резкий, уверенный:

— Мне пора домой.

И этими словами я будто поставила границу, которую никому не позволю пересечь.

Марго застыла, Марк приподнял брови, скривил губы в полуулыбке. Он сделал шаг ко мне, и я отшатнулась, хотя он даже не коснулся.

— Странно, — медленно сказал он, — только что тебе вроде было весело... А теперь ты решила испортить нам вечер?

Его голос не был злым, в нём сквозила только мягкая насмешка. Но где-то внутри меня уже проснулся ярый протест. Я не могла объяснить, откуда взялось это упрямство, но оно захлестнуло меня.

— Я не хочу никуда идти, — твердо сказала я. — И вообще... С меня хватит.

Марго попыталась сгладить:

— Ой, да ладно тебе, чего ты сразу в позу? Мы просто спустимся, поболтаем немножко...

Но я уже не слышала её. Смотрела только на Марка. Ему явно не нравилось, что я вырываюсь из роли, которую он успел мне придумать.

Слишком уверенный, слишком дерзкий, с той наглой ухмылкой, которую я уже начинала ненавидеть. В руках он держал бокал, на губах блестело вино, а в глазах было что-то опасное — словно ему принадлежало всё пространство вокруг, включая меня.

Я подошла к зеркалу, схватила салфетку и с силой смазала губы. Салфетка окрасилась в красное, будто в кровь. Сдёрнула с себя платье — слишком тесное, слишком чужое. Сдернула с кресла свою простую серую кофту, торопливо натянула джинсы.

— Я ухожу, — повторила я твёрдо.

В комнате повисла тишина. Марго застыла с открытым ртом. Марк, такой громкий, самоуверенный, будто потерял дар речи.

Марго тут же вмешалась, торопливо, почти с заботой:

— Алина, ну как же ты уйдешь? Как ты вообще до дома доберёшься?

— Пешком, — бросила я, не оборачиваясь.

Я сама удивилась тому, насколько твёрдо прозвучали эти слова. Внутри, конечно, кольнул страх, но вместе с ним появилась какая-то странная лёгкость.

— Пешком? — с усмешкой переспросил Марк. — Ты с ума сошла?

Я уже шагнула к двери, но он вытянул руку, перекрывая путь. Его тень упала на меня.

— Не пропущу, — сказал он тихо, но жёстко.

В голове у меня мелькнула мысль: «Ну и ладно. Я всё равно выберусь. Через окно, через лестницу, через что угодно. Главное — выйти отсюда».

— Отойди, Марк, — сказала я твёрдо, сама удивляясь, что могу звучать так спокойно. — Мне пора.

Я не знала, что будет дальше, но точно знала одно: я не собираюсь играть по их правилам.

Я резко оттолкнула его и сорвалась вниз по ступеням.

На первом этаже стоял дым — густой и вязкий. Я прошла мимо гостиной, в которой уже собралась большая компания. Музыка била из колонок, пахло табаком и чем-то сладким, пряным. На столе уже стояли бутылки, рюмки, были раскиданы карты.

Я дёрнула на себя тяжёлую дверь и оказалась на улице. Холодный воздух ударил в лицо, и я вдохнула так жадно, будто впервые за долгое время могла дышать по-настоящему.

Прижала сумку к груди и сделала первый шаг прочь от этого дома. У меня не было плана, я даже не представляла, как отсюда выбраться, но внутри было твёрдое: всё равно уйду. Это лучше, чем оставаться здесь.

И тут я услышала торопливые шаги за спиной. Кто-то догонял меня.

Глава 10

Я вздрогнула. С каждой секундой шаги приближались.

Не раздумывая, я бросилась вперёд. Ноги сами понесли меня по дорожке, ведущей прочь от дома. Мне казалось, что вот-вот чья-то рука схватит меня, потянет обратно. Картинки мелькали в голове: как Марк преграждает мне дорогу, как смеётся Марго, как эти чужие лица из гостинной смотрят на меня, как на добычу.

Мне казалось, что, если я сейчас остановлюсь — всё. Меня догонят. Вернут обратно в этот дом, в эту липкую атмосферу, и я уже не смогу вырваться.

Я выбежала из узкого двора на тёмную трассу. Шоссе тянулось впереди как бесконечная лента.

И вдруг за моей спиной вспыхнул свет фар. Машина вынырнула из темноты и последовала за мной. Гул мотора приближался, и я почувствовала, как у меня сжимается горло. Машина двигалась медленно, совсем рядом. Я обернулась на секунду — это он. Марк. Его силуэт в полумраке салона, опущенное стекло и взгляд, который прожигал насквозь.

— Алина, ну что ты как маленькая? — сказал он насмешливо. — Садись, я тебя подвезу. Одна на трассе — это опасно. Ты не дойдёшь пешком, до города ещё километры.

Я ускорила, делая вид, что не слышу. Но он не отставал. Продолжал ехать совсем рядом, как тень.

— Ну не упрямясь, — продолжил он уговаривать. — Я же не враг тебе. Я не кусаюсь... Давай, садись.

У меня перед глазами вдруг всплыло лицо мамы, её строгие глаза. Она всегда повторяла: *никогда не садись в машину к незнакомцам!* Даже если они кажутся вежливыми и милыми. Даже если улыбаются. Даже если обещают, что «ничего не случится». Я слышу её голос внутри, как будто она идёт рядом со мной и держит за руку: *не доверяй ему, иди дальше.*

И я зацепилась за эту мысль, как за спасательный круг. Потому что да, я его совсем не знала. Его взгляд, его улыбка, его манера говорить — всё это было завораживающее, но чужое, а значит — опасное.

Но он вроде бы не делал ничего страшного — не хватал меня за руку, не кричал, не принуждал ни к чему. Просто ехал рядом и мягко уговаривал.

— Алина, — он произнёс моё имя почти ласково. — Ты ведь сама понимаешь, что пешком тебе не дойти. К тому же, это небезопасно — тебя может кто-нибудь сбить или посадить в машину насильно...

Я стиснула зубы и упрямо шагала вперёд, не глядя в его сторону.

И вдруг — раздался визг тормозов. Марк резко выкрутил руль и перегородил мне дорогу. Фары ослепили, я застыла, прижав сумку к груди.

Дверца распахнулась. Марк вышел из машины и остановился в метре от меня. Голос его стал тише, но настойчивей, он будто меня обволакивал:

— Посмотри на себя... Ты вся дрожишь. Ну что ты упираешься? Садись в машину. Я отвезу тебя, куда скажешь.

— Я... я не должна... — еле слышно произнесла в ответ.

— А что ты должна? Идти пешком? Я не отпущу тебя никуда. Садись.

Сердце колотилось, ладони дрожали, но злость поднималась выше страха. Перед глазами у меня все ещё стояли лица Марго и парней из компании Марка — их смех, их взгляды. Неожидавшая догадка вдруг ослепила меня: она специально притащила меня к себе, чтобы посмеяться.

Я посмотрела ему прямо в глаза и выпалила:

— Я всё поняла. Марго позвала меня не просто так. Решила сделать из меня посмешище, игрушку. Ты и твои друзья должны были позабавиться. — Я сжала зубы, чувствуя, как лицо горит. — Но я не собираюсь играть в ваши игры.

— Ты чего? — он говорил спокойно и уверенно, будто знал, что я всё равно поддамся. — Никто над тобой не смеялся. Просто глупая ситуация. Я отвезу тебя домой.

Он сделал шаг ближе и сказал тихо:

— Алина... я не собирался тебя обижать.

В его взгляде не было ни насмешки, ни злости. И именно в этот момент во мне пошатнулась моя уверенность.

Может, я ошибаюсь? — промелькнула предательская мысль. Может действительно зря бегу по этой дороге, как маленькая?

— Я хочу просто отвезти тебя домой, — мягко сказал он.

Его голос укутывал меня, такой спокойный, уверенный... Мне всё ещё было не по себе, но уже не так страшно.

Марк с этим неожиданно мягким взглядом. Не холодным, не насмешливым, а таким... тёплым. Я прикусила губу. Всё внутри кричало: *беги*. Но его глаза... они убеждали, что ничего страшного не случится.

Я стояла, не двигаясь. Колебалась. Секунды тянулись мучительно долго.

В этот момент телефон у меня в кармане завибрировал. Мама. Я уже скоро должна быть у неё. Если я сильно опоздаю, она будет волноваться. А у нее такое слабое сердце...

Я прикрыла глаза, ощущая, как дрожат колени. Потом — шагнула к машине. Марк сразу же открыл передо мной дверь.

— Вот и умница, — тихо сказал он и едва заметно улыбнулся.

Я забралась внутрь. Теперь, когда дверь захлопнулась, было ясно, что назад дороги уже нет.

Глава 11

Я сидела, отодвинувшись к самой дверце, будто это могло уберечь меня от близости к нему. Ремень безопасности впивался в плечо, но я не двигалась — лишь сильнее вжималась в угол.

Просторный салон показался мне тесным, как клетка, и каждое движение Марка будто только подчеркивало это. Он завёл двигатель, и тихое урчание под капотом разлилось по пространству, делая тишину между нами ещё более неловкой.

— Куда тебя отвезти? — спросил он.

Я объяснила, что еду за город, в область.

— Я знаю это место, — он кивнул и включил навигатор.

Я отвернулась, уставилась в окно на темнеющую дорогу, а Марк вдруг заговорил так спокойно, будто между нами не было той сцены на улице:

— Ну и куда ты так торопилась?

Я молчала, чувствуя, как его взгляд скользит по мне.

— Не бойся, — вдруг тихо добавил он. — Я же сказал тебе, что не кусаюсь. Забыла?

Я сжала руки в кулаки, ногти впились в ладони. Может, для него моя паника и выглядела смешно, но я чувствовала себя именно добычей, загнанной в капкан.

— Значит, ты учишься? — он вдруг перевел разговор на другую тему.

— Учусь, — коротко ответила я.

— На кого учишься?

— На программиста.

— Серьёзно? Вот уж не ожидал, — в его голосе прозвучало искреннее удивление. — Я почему-то думал, что ты больше про творчество. Ты выглядишь так, будто тебе ближе что-то... Рисование там или музыка.

— Ты меня совсем не знаешь, — я делала вид, что с интересом рассматриваю проносящиеся в окне фонари.

— Вот поэтому и спрашиваю. Мне интересно узнать. Это сложно, наверное? Там учиться? — он не сдавался, будто специально вытягивал из меня слова.

— Да, — коротко ответила я. — Нелегко.

— Но это здорово. Дисциплина, логика, голова работает, — он улыбнулся. — Ты явно не из тех, кого легко провести.

— Я люблю точные науки, — призналась я.

Марк принялся с искренним интересом расспрашивать меня о колледже: какой курс, нравится ли мне, легко ли даётся, чем я занимаюсь в свободное время, чем живу. Я отвечала коротко, но всё равно рассказывала больше, чем хотела.

Внутри всё ещё жила тревога. Я не доверяла ни его словам, ни этой напускной лёгкости. Но где-то глубоко мелькнуло ощущение: кажется, он действительно хочет просто поговорить со мной.

Он не делал ничего дурного — не тянулся ко мне, не смотрел слишком пристально, не позволял никаких лишних движений. Наоборот. Он говорил легко и свободно, как будто мы старые знакомые и просто коротаем время в дороге.

— Значит, ты умная, — вынес наконец он свой вердикт.

Я промолчала, не зная, как реагировать на комплимент. А Марк вдруг начал говорить о себе.

— Я вот учился на юрфаке. Потому что так надо, потому что это престижно, потому что это «правильная дорога», — он усмехнулся невесело. — А потом меня выгнали.

Он рассказал, что пошел учиться туда, выполняя волю отца, что ему было невыносимо скучно, что он всё время искал другие способы зарабатывать и жить, и в итоге сам всё пустил под откос.

Мне почему-то вдруг стало неловко. Я ожидала от него уверенности, даже надменности... а он вдруг признался в слабости. Это было странно.

— Не обижайся на меня или на Марго, — произнёс он вдруг. — Мы просто хотели повеселиться. Мы регулярно так проводим время — собираемся большой компанией. Это не имело к тебе ничего личного.

— Ну я так время не провожу.

Он повернул голову, посмотрел прямо, чуть прищурившись, и кивнул:

— Я уже понял, что ты хорошая девочка.

В его тоне не было насмешки. Он говорил просто, будто отмечал факт. Я не знала, что ответить, и просто опустила глаза. А он продолжал говорить — о том, чем занимался, где путешествовал, какие странные компании встречал.

А я ловила себя на том, что сжатая пружина внутри меня постепенно немного распрямляется. Сначала я перестала сжимать пальцы в кулаки. Потом — дыхание стало ровнее. В голове уже не было той паники, что была в начале, хотя внутри всё равно было тревожно. Будто я слишком легко расслабилась рядом с ним.

За разговорами дорога пролетела незаметно. Я сама удивилась тому, как быстро мы приехали. Марк остановился прямо перед калиткой, где уже стояла моя мама. Она всегда выходила меня встречать.

Я сразу заметила, что её взгляд стал тяжёлым, когда она увидела подъезжающий к воротам автомобиль и меня в нём.

Я даже не успела ничего сказать или как-то оправдаться, как Марк широко улыбнулся и первым вышел из машины.

— Добрый вечер! — бодро произнёс он и пошёл прямо к моей матери.

У меня челюсть чуть не отвисла. Я осталась сидеть внутри, глядя на то, как он подходит к ней и протягивает руку, будто это что-то совершенно нормальное — подвезти девушку, которую ты видишь первый раз в своей жизни, и сразу же идти знакомиться с её мамой. Она нахмурилась ещё сильнее, но протянутую ей руку всё-таки пожала.

Я вышла из машины, чувствуя, как у меня горят щеки. Ситуация казалась даже не странной, а совершенно невозможной. Но еще больше я удивилась, когда услышала, что Марк с готовностью соглашается на чай, на который его пригласила мама из одной только формальной вежливости.

Глава 12

Мама посмотрела на меня искоса, нахмутив брови, пока Марк с ней болтал. Уверенно, свободно, как будто они были давно знакомы.

Я подошла ближе.

— Что же ты нас раньше не познакомила, Алина? — с прищуром спросила мама, и в её голосе прозвучал явный упрек, хоть она и улыбалась.

Я только опустила глаза. Когда я могла успеть сообщить ей об этом, если мы с Марком встретились всего несколько часов назад?

Марк же, угадав мой ступор, перетянул на себя ее внимание:

— Алина дружит с моей сестрой. Сегодня они засиделись, заболтались вместе, и я как старший брат взял на себя роль таксиста. Алина очень переживала, что опоздает к вам. Ну а я был только рад помочь.

— Ну что же, пройдемте в дом? — немного растерянно предложила мама. — Нечего на улице стоять. Я угощу вас чаем с липой...

— Марк уже уходит, — я перегородила ему дорогу к дому, совсем как он перегородил мне меньше часа назад. Только он не хотел отпускать меня, а я совсем не желала его впускать.

— Да нет, я вроде бы никуда не уйду, — он сверкнул белозубой улыбкой.

— Ему уже пора, — с нажимом продолжила я. — Его ждут... Его товарищи.

— Кто? — он усмехнулся. — Мои товарищи пока без меня развлекаются. Поверь, они совсем не скучают.

— Алина, в чем дело? — удивилась мать. — Пусть Марк зайдет, передохнет хотя бы после дороги.

Заметив ее непреклонную решимость продемонстрировать свое гостеприимство, я сдалась и отошла в сторону. С ней в такие моменты было бесполезно спорить.

Когда мы зашли внутрь, обстановка показалась мне ещё беднее, чем обычно, на контрасте с замком, из которого я только что сбежала. Скромные занавески, старенькая мебель, кухонный стол, который давно просил замены... После того роскошного особняка, где живут Марк и Марго, наш домик выглядел... ну как-то совсем жалким. Мне вдруг стало неловко до дрожи: будто я стояла перед ним совсем голая, без защиты, и мне не давали возможности даже прикрыться.

Но Марк, к моему удивлению, будто не заметил скромности обстановки. Или талантливо сделал вид. Вместо того чтобы окинуть взглядом тесную кухню, он сразу же нагнулся к коробке у печки, где копошились новорожденные котят.

— Ого! — радостно воскликнул он, и в его голосе прозвучало неподдельное восхищение. — Совсем малыши! Такие крошечные!

Я замерла в дверях, ошеломлённая.

— Можно потрогать? — спросил Марк прежде, чем прикоснуться к одному из них.

— Конечно! Чай сейчас будет готов! — мама принялась расставлять на столе чашки, а он склонился над котятками.

И я поймала себя на мысли — может быть, ему правда всё равно на окружающую нас бедную обстановку?

— Присаживайтесь, — пригласила мама, и Марк подошел к столу вместе с котенком.

— Простите, что с пустыми руками... — сказал он неожиданно смущенно. — В следующий раз обязательно приеду с тортом!

Следующий раз? Какой еще может быть следующий раз?

Я не могла понять, что здесь вообще происходит. Откуда у него такая уверенность, что он сюда вернется?

Мама, которая обычно умела смотреть так, что у любого дрогнут колени, вдруг смягчилась. Она улыбнулась и чуть приподняла подбородок, оценивая Марка с ног до головы. Кажется, первое впечатление оказалось положительным, но я все-равно ждала, что она вот-вот начнёт задавать ему неудобные вопросы.

— А где ты учишься? — она начала расспрашивать словно промежду прочим, но я узнала стальной оттенок в её голосе. — А живёшь ты где? Чем вообще занимаешься?

Я ожидала, что он начнёт юлить, что-то утаивать, прятать детали, как это обычно делают парни, когда сталкиваются с мамами. Но он будто нарочно вывернул перед ней всю свою биографию наизнанку, чем меня, без сомнения, очень удивил.

— А родители твои кто? — мама продолжала допрос.

Марка это ничуть не смутило. Он произнёс свою фамилию так спокойно, как будто ничего особенного в ней не было, хотя даже у меня по спине побежал холодок. Я знала эту фамилию. И мама ее знала. Ее слишком хорошо знали все не только в городе, но и далеко за его пределами.

Она резко выпрямилась, и на её лице мелькнуло то самое выражение — смесь потрясения и узнавания.

— Так ты... ты сын... — она запнулась, будто не могла поверить собственным ушам.

— Ну да, — кивнул Марк, спокойно наблюдая за тем, какое сильное впечатление его фамилия произвела на мою маму.

И тут произошло что-то странное: вместо того чтобы ещё больше начать его подозревать во всех возможных злых намерениях, мама, к моему ужасу, сразу сдала позиции. Все её колючие вопросы словно испарились. Она растерянно покачала головой и... начала сама рассказывать.

Обо мне.

— Ты знаешь, ведь Алиночка у меня приёмная, — вдруг сообщила она. — Её родители были нашими соседями. Хорошие, порядочные люди. Были когда-то... Пока не спились. Девочка осталась совсем одна. Пришлось взять ее, чтобы не забрали в детдом.

Я застыла, едва не перестала дышать. Теперь Марк узнает, откуда я на самом деле — из какой грязи. Но с другой стороны... Какое мне вообще дело до Марка и до того, что именно он обо мне подумает? Мне вообще должно быть на него наплевать.

Краем глаза я посмотрела на него, готовая встретить насмешку, брезгливость или хотя бы скуку в его взгляде. Но он очень внимательно слушал, с удовольствием пил чай из старой кружки с отколотым краем и поглаживал котёнка, который уютно устроился у него на коленях. Длинные пальцы мягко перебирали серую шерсть, и котёнок урчал от удовольствия.

Мне казалось невозможным, что человек, привыкший к другому миру — яркому, красивому, обеспеченному — может не отстраниться с брезгливостью, коснувшись иного. Однако именно так оно и было, судя по его реакции.

— Так что она у меня, считай, сиротка, — продолжила мама, не замечая моего возмущенного взгляда. — Нежная, впечатлительная. Бедная девочка многое пережила, — она вдруг вздохнула и посмотрела Марку прямо в глаза. — Поэтому я и прошу тебя, пожалуйста, ты уж не обижай её!

Я едва не провалилась сквозь землю. Казалось, вот сейчас я просто исчезну от стыда.

Марк не усмехнулся, не отмахнулся, как я ожидала. Он лишь чуть наклонил голову и произнёс:

— Я понял. Обещаю!

Глубоко внутри меня что-то дрогнуло в ответ на его слова, что-то отозвалось. Его обещание. Его спокойный тон. Его уверенность в том, что «следующий раз» действительно будет.

— Алина у меня девочка очень умная, — продолжила мама рассказывать. — Всегда любила читать, упрямая, конечно, но... Очень положительная, правильная...

Марк внимательно слушал, как меня расхваливают, не перебивал, только кивал иногда.

Но на секунду — нет, даже на какую-то долю секунды, я заметила, что уголок его губ немного дрогнул. Это была лишь тень насмешливой, глумливой улыбки, которая тут же рассеялась. Но этого было достаточно, чтобы я сразу насторожилась.

Я увидела, как котенок, проснувшись, хотел сбежать с его коленей обратно к своей матери-кошке, но Марк безжалостно раз за разом возвращал его назад.

А мне оставалось только гадать, не превратилась ли я сама в фигуру на шахматной доске, где все ходы уже расписаны, а я лишь делаю вид, что ещё могу выбирать.

Глава 13

Когда дверь за Марком закрылась, я все еще была под неприятным впечатлением от его странной ухмылки, которая не давала мне покоя все время разговора.

— Мам, — тихо сказала я, когда она вернулась в дом, после того, как проводила Марка до машины. — Зачем ты это сделала? Зачем ты рассказала ему всё обо мне?

Она подошла ко мне ближе и вдруг неожиданно крепко меня обняла.

— Алинушка... — прошептала она, и в её голосе мне послышалась слабость, которую я раньше никогда не замечала. — Я... я не хотела тебе зла, не хотела поставить тебя в неудобное положение или заставить стыдиться твоего прошлого. Дело в том, что... Я ведь не вечная. И я всё время думаю, что будет с тобой, если меня вдруг не станет... И ты останешься совсем одна.

— Мам, — я возмущенно вывернулась из её рук, — ну ты что? Как ты вообще можешь такое говорить! Ты еще очень молодая!

Но она продолжала говорить о своем, будто не слышала:

— Я держала тебя в строгости все эти годы... Может, порой я была слишком резка... Но это не потому, что я хотела сделать тебе больно. Ты думаешь, я не видела твоих слёз, твоих обид? Но я боялась, что если я дам слабинку, если не сделаю тебя сильной, то... жизнь просто раздавит тебя, как раздавила твоих родных. Я хотела воспитать тебя сильной, умной... И я вижу — у меня получилось! А теперь у меня осталась только одна мечта — чтобы ты нашла достойного мужчину, плечо, на которое сможешь опереться...

— Хватит, — перебила я её резко. — Ты говоришь так, будто я сама не смогу справиться. Как будто всё моё будущее — это только мужчина. Но у меня есть я сама! Разве этого мало?

Она качнула головой, и прядь седых волос упала на лицо.

— Ты еще очень молода и тебе кажется, что всё можно выдержать. Но я слишком хорошо знаю, каково это — быть одной. Я прожила жизнь без опоры, без плеча. Это очень сложно так жить, растить детей... И мне очень важно знать, что ты найдёшь себе спутника, с которым ты сможешь разделить тяготы... Чтобы ты могла опереться... Чтобы ты не осталась совершенно одна, как круглая сиротка...

— Мам, — я покачала головой, — ну зачем ты такое говоришь...

— Прости, — она гладила меня по волосам, и я чувствовала себя одновременно маленькой и взрослой, беспомощной и сильной. — Прости, доченька. Я просто очень боюсь. Я хочу, чтобы у тебя всё было иначе, чем у меня, чем у твоих родителей. Чтобы ты жила, а не выживала. А этот Марк... Он показался мне порядочным человеком.

Я сжала губы, чтобы у меня не вырвалось: *Ты ничего о нём не знаешь! Да что там говорить — я сама о нем не знаю практически ничего, кроме того, что мне сказала мне его сестра — что он бабник, бездельник и мажор.*

— С чего ты вообще так решила? — спросила я у матери.

Она тяжело вздохнула и опустила на диван.

— Он показался мне хорошим, простым парнем, даже слишком простым для того, кто вырос в богатой семье... Не наглый, не высокомерный. Но тебе все равно нужно быть очень осторожной — богатые мужчины часто бывают жесткими. Они умеют нравиться, умеют очаровывать, но... Я не говорю, что он плохой. Просто будь осторожна. Очень осторожна. И пообещай мне не торопиться. Не отдаваться ему без остатка, пока не убедишься, что он действительно твой человек. Не ведись на улыбку, на внешность. Смотри в корень.

— Между мной и Марком ничего нет и не может быть, — сказала я твёрдо. — Я даже не думаю сейчас ни о каких парнях — только об учёбе. Мне нужно доучиться, пройти стажировку, найти работу... Я начну зарабатывать, и мы наконец-то сможем сделать ремонт в

доме — заменим проводку, починим забор, сантехнику, окна новые поставим. А потом я обязательно свожу тебя на море! Ты наконец-то увидишь море! И не нужно мне никаких богачей!

Я говорила и говорила, будто сама себя убеждала в этом будущем, в котором было так много надежды и так мало страха. Мать слушала, чуть улыбалась уголками губ, но вдруг её улыбка начала гаснуть. Лицо стало совсем спокойным, как будто отрешённым. Она всё ещё улыбалась — едва-едва, но улыбка её бледнела вместе с ней самой.

И я заговорила быстрее, испугавшись, что она не верит мне.

— Я не хочу всю жизнь зависеть от случайностей или от чьей-то милости. Я сама вытяну нас, обещаю!

Вдруг она побледнела, рука её дрогнула и прижалась к груди.

— Мам? — я замолчала.

Она сделала какое-то неловкое движение, словно собиралась подняться или поправиться, но внезапно осела обратно на диван, прижала руку к груди, и её улыбка превратившись в странную, напряжённую гримасу.

— Мама! Что с тобой?

Она пыталась что-то ответить, губы приоткрылись, но слова так и не сложились в звук.

— Нет, нет... Мамочка, держись, я сейчас вызову скорую!

Глава 14

Спустя неделю мне все-таки пришлось вернуться в колледж несмотря на то, что больше всего на свете мне хотелось спрятаться и замереть. Я медленно шла по коридору, опустив голову, не желая встречаться взглядом ни с кем.

В колледже царил привычный разноголосый гул и кутерьма. Всё это казалось мне таким далеким, чужим. Таким не важным. Моё место сейчас было там, в палате, рядом с единственным близким и дорогим мне человеком, среди запаха лекарств и приглушённых шагов медсестёр. Здесь же всё было слишком живое, слишком шумное — и потому нестерпимое.

— Алина! — звонкий голос вырвал меня из пучины моих невеселых мыслей, и я вздрогнула. Ко мне вприпрыжку подбежала Марго. — Ну наконец-то! Я уж думала, ты вообще забила на учебу!

Я посмотрела на нее. Беззаботная улыбка, короткая юбка, в руке пластиковый стаканчик кофе. Девчонка из мира, где единственная проблема — это то, что тебя не пригласили на какую-нибудь вечеринку.

— Где ты пропадала? — с усмешкой спросила она. — Что, неужели отличница решила прогуливать?

Я молча посмотрела на нее, надеясь, что она прочтет по моему лицу мое нежелание разговаривать. Увидит мои тени под глазами, заплаканные глаза и усталость и поймет, что меня лучше сейчас вообще не трогать.

Но она ничего особенного не заметила — зря я ждала от нее хоть проблеска эмпатии.

— Даже сообщения мои не читаешь! — она толкнула меня локтем. — Как ты могла просто взять и исчезнуть! Или я тебя чем-то задела? Ты что, тогда так сильно обиделась на меня? Из-за такой фигни?

Я молча покачала головой.

— Ладно, — Марго улыбалась, но в ее голосе уже чувствовалось раздражение. — Если ты решила играть в молчанку, молчи на здоровье. Но это очень глупо с твоей стороны...

— Ты серьезно думаешь, что я не ходила в колледж, потому что обиделась на тебя? — мой голос прозвучал неожиданно резко. — Это же просто смешно! Ты, кажется, переоцениваешь своё значение в моей жизни!

У меня в горле першило от еле сдерживаемых рыданий, и мне пришлось собрать всю силу воли в кулак, чтобы не позволить им вырваться.

— К твоему сведению, у меня есть проблемы гораздо посерьёзнее... Я... я каждый день думаю, выживет ли моя мама. Ты понимаешь или нет?

Марго замерла. На её лице впервые не было этой ее вечной насмешливой улыбки.

— Подожди... Что случилось? — в глазах мелькнуло то ли сочувствие, то ли просто растерянность.

Я отвернулась, сжала губы. Мне не хотелось проговаривать вслух то, что жгло меня изнутри.

— Почему ты мне ничего не сказала? Мы же подруги...

— Подруги? — мой голос прозвучал резче, чем я ожидала. — Ты и правда так думаешь?

— А что не так? — Марго моргнула, ошеломлённая моей резкостью.

— Какие мы, к чёрту, подруги?! Мы никогда ими не были и не будем. Ты живёшь в своём безоблачном мире розовых пони, а у меня рушится жизнь!

Я резко развернулась и пошла, нет, почти побежала прочь. Горло сжало от кома невыплаканных слез. Все это время я изо всех сил старалась держаться, чтобы мама не видела паники и отчаяния в моих глазах, но сейчас наступил предел. Слишком многое накопилось во мне — страх, отчаяние, тревога, а самое ужасное — это беспомощность. Я ничего не могла сделать

для того, чтобы помочь своей матери. Она лежала в обычной областной больнице, и даже я видела, что условия там не располагают к быстрому выздоровлению.

— Алина! — донёсся сзади голос Марго. Она шла за мной. — Мне нужно тебе кое-что сказать! Подожди!

Я сорвалась на бег.

— Алина! — снова позвала она, но голос звучал уже тише. Наверное, остановилась. А я влетела в какой-то пустой, темный класс, закрыла за собой дверь и прижалась к стенке.

Слёзы всё-таки прорвались. Я зажала рот рукой, чтобы не разрыдаться в голос, и тихо осела на пол. Меня трясло. Я больше не могла держать маску. Я была на грани истерики.

В этот момент прозвенел звонок, извещающий о начале очередной пары. А я так и осталась сидеть на полу, понимая, что просто не в состоянии сейчас пойти на уроки. Я не могла ни слушать, ни видеть никого. Кажется, в этом семестре мне точно не стоит ждать повышенной стипендии...

Немного успокоившись, я вышла из класса и прошла на улицу, к воротам. Брела по тротуару будто в тумане, без цели, без смысла. Ноги сами несли куда-то, и мне было все равно. Я почти не видела дороги перед собой — все расплывалось. Мимо проезжали машины — я не обращала на них никакого внимания, пока одна из них не дала резко задний ход. Несколько секунд спустя она остановилась прямо напротив меня. Я застыла на месте.

Окно опустилось, и я увидела в машине Марка.

— Садись. Поедем к твоей матери, — сказал он сразу же. Таким тоном, который не подразумевает возможности отказа.

Я смотрела на него растерянно, губы дрожали.

— Давай быстрее, — бросил он. — Я знаю, как ей помочь.

Он произнес это так уверенно, так решительно, что я не могла даже спросить, откуда он вообще знает, что с ней что-то случилось.

— Алина! — приказал он. — Садись в машину!

Внутри меня что-то дрогнуло. Даже если это всего лишь иллюзия, призрачный шанс, я ни за что не могла его упустить. Я ухватилась за неё, как тонущий хватается за соломинку.

Глава 15

Я до последнего не понимала, что именно собирается делать Марк, как он вообще может мне помочь. Мы подъехали к больнице, и он коротко скомандовал мне:

— Покажешь мне того врача, который занимался твоей мамой.

Я кивнула, и он сам повел меня к больнице. Казалось, что перед ним двери распахиваются сами собой.

Он остановился перед нужным кабинетом и без стука зашел. Пожилой мужчина в очках — тот врач, который разводил руками, говоря, что он вряд ли чем-то может помочь моей маме — поднял голову от бумаг и недовольно нахмурился:

— Кто вы такой? Я сейчас никого не принимаю...

И тут я впервые увидела Марка таким. Его взгляд стал холодным и жёстким, голос — уверенным, властным. Он даже не повысил тон, но каждое слово било наотмашь:

— Я — тот, кто не позволит вам относиться к пациентам, как к мусору. Эта женщина находится в тяжелом состоянии, и вы должны сделать всё возможное и невозможное, чтобы ее спасти.

— Что... Да что такое... — пробормотал мужчина, растерянно глядя на Марка.

— Переведите ее в лучшую платную палату, приставьте к ней медсестру и найдите лучшие лекарства, — продолжал командовать Марк. — Если через десять минут всего этого не будет сделано, вам придётся попрощаться с вашей работой. И я могу вам гарантировать, что другую работу вы не найдете. Придётся вам переезжать в другой регион.

У меня перехватило дыхание. Я смотрела то на него, то на врача, и не могла поверить в то, что происходит. Впервые я воочию видела, какие горы способна сворачивать сила власти. Власти и денег. Марк говорил спокойно, но в этом спокойствии было что-то такое, что заставляло слушаться и подчиняться.

Главврач побледнел, сдвинул очки, пробормотал что-то вроде:

— Ну зачем же так сразу... Конечно, конечно... Сейчас мы всё сделаем.

И вдруг начал суетиться. Поднял трубку, вызвал кого-то по внутреннему телефону, начал сразу же давать распоряжения. Шестеренки закрутились. Марк всего лишь сказал несколько слов, и огромный механизм, который для меня оставался непробиваемой глухой стеной, послушно сдвинулся. Я привыкла чувствовать себя маленькой, никому не нужной девчонкой, привыкла ждать очереди, слушать равнодушные голоса врачей и смотреть, как они разводят руками. Там, где я бы часами униженно ждала, умоляла, где мне бы отказали или отмахнулись, ему вдруг нараспашку открыли дверь.

Именно здесь я впервые остро ощутила, что я — никто. А Марк — кто-то. И этот «кто-то» легко сделал то, что для меня было непреодолимым.

— Вот и отлично, — сказал Марк, когда врач повесил трубку. — Жду от вас отчёта по проделанным мероприятиям. А пока загляну к вашему главврачу...

Он направился к двери, и я поспешила за ним.

— Вот видишь? Всё решаемо, — сказал он, видя, что у меня расширились глаза от шока. — Теперь за твоей матерью будут смотреть как положено.

Я остановилась, пытаюсь отдышаться. Меня всю трясло.

— Ты... Как ты это сделал?

Он оглянулся на меня, улыбнулся краем губ, и от этой улыбки меня будто обдало жаром.

— Просто поговорил, — сказал он легко. — Умею убеждать.

Я чуть не разревелась от нервного напряжения. *Просто поговорил?* Я только что видела, как он практически раздавил человека, который для меня был фигурой непререкаемой власти.

— А теперь давай-ка заглянем к моему крестному, — небрежно бросил он. — Попросим, чтобы он проконтролировал процесс.

Марк повел меня наверх, прямо к кабинету недостижимого главврача, который встретил его как дорогого гостя. Они обнялись, расцеловались, и главврач, который действительно оказался его крестным, начал лично наливать нам чай, повторяя как сильно он рад нас здесь встречать.

Марк рассказал ему о том, что произошло, и попросил, чтобы он взял лечение моей матери под свой особый контроль, потому что тому врачу уже нет никакого доверия.

Я не могла оторвать глаз от этой сцены. Главврач, мужчина лет пятидесяти с тяжёлым взглядом и сединой на висках, вдруг потерял весь свой весомый вид. Он улыбался Марку, кивал и клятвенно заверял, что станет личной сиделкой для моей матери, что не отойдет от ее палаты, пока не поднимет ее на ноги.

Я хорошо усвоила, что, если хочешь чего-то добиться, надо ждать, умолять, надеяться на случайность. А тут... Марку хватило пяти минут, чтобы изменить ход событий. Всё решилось мгновенно — одним словом.

Я смотрела на него и не могла понять: как так? Откуда в нём столько силы? Столько власти? Его даже не смущало, что он младше всех, кто сидит в этих кабинетах. Казалось, ему это придавало ещё больше дерзости. Он вел себя так, будто за ним целый мир — и этот мир не посмеет ему возразить.

Мы вышли из кабинета, и я рухнула в кресло у стены. Марк сел рядом, откинулся на спинку, закинул ногу на ногу, словно мы сидим не в больнице, а в каком-то кафе. Краем глаза я заметила, что он смотрит на меня — спокойно, внимательно.

— Эй, — сказал он тихо. — Дыши. Всё хорошо. Теперь всё будет хорошо...

Я смотрела на него и не знала, что сказать. Он сделал мне самый большой подарок, который я когда-либо получала в своей жизни — он подарил мне надежду. Но мне стало страшно от того, как легко он подчиняет себе людей... А теперь просто сидит рядом, руки в карманах, и кажется совершенно спокойным, будто ничего особенного не произошло.

А для меня он только что перевернул весь мой мир.

Странное чувство поднималось во мне — смесь благодарности и благоговейного восхищения.

— Спасибо, — еле слышно прошептала я. — Я даже не знаю, как тебя благодарить...

— Стоп, — Марк вдруг неожиданно прикоснулся к моим губам, заставляя замолчать. — Я знаю как! Пошли...

Он встал, протянул мне руку, и я взяла ее, позволила себя повести.

Теперь, после всего, что он для меня сделал, мне казалось невозможным отказать ему хоть в чем-то.

Глава 16

Он шёл впереди, держа меня за руку так, будто мы с ним были парой, парнем и девушкой, чем еще больше меня смущал. Я шла за ним, спотыкаясь на поворотах, и всё никак не могла прийти в себя после сцены в больнице.

Но было еще кое-что, что меня сильно беспокоило. Цена. Я знала, что она обязательно будет. Мне было хорошо известно, что чудеса не бывают бесплатными.

— Так чего ты хочешь? — спросила я тихо.

— Ты о чем?

— Ну, что именно ты хочешь за... За твою... Помощь?

Он чуть склонил голову набок, прищурился.

— Ты посидишь со мной в кафе. Поешь наконец, как нормальный человек.

— Что?

— Что слышала. Ты выглядишь так, будто тебя неделю не кормили.

— Хочешь сказать... Что я выгляжу жалкой?

Он рассмеялся.

— Я хочу сказать то, что уже сказал — что ты выглядишь голодной, — он приблизился ко мне, наклонился так, что я почувствовала его мятное дыхание. — И уставшей. И мне ужасно хочется поскорее это исправить.

Я кусала губы. Хотелось ответить ему что-то колкое или язвительное, вспыхнуть, оттолкнуть его. Но я не могла. Потому что я, черт возьми, действительно была измождённой, голодной и потерянной. Я не могла даже вспомнить, когда в последний раз ела, и сколько ночей подряд не спала.

Марк снова протянул мне руку, как будто ставил финальную точку в разговоре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.